

В девять лет Любочка потеряла маму. Она ушла из жизни так же тихо, как и жила: настрадавшись от измен мужа, от унижений и предательства, от его очередного ухода к очередной возлюбленной. В Иркутск за сироткой поехала старшая сестра матери Антонина Ивановна, тётя Тоня — добросердечная, как и Любочкина мама, женщина. Она привезла племянницу в небольшой городок Заозёрный, что в Красноярском крае. Тепло встретила маленькую испуганную девчущку новая семья — муж тётки Тони ласковый дядя Павлик и её дочка Фая, скромная красивая девочка, почти девушка. Была она старше Любочки на семь лет.

Внимание, забота и любовь близких людей сделали доброе дело — излечили надломленную душу ребёнка. Любочка выросла умненькой и открытой девочкой, она хорошо училась в школе, ей легко давались гуманитарные науки. Тётя Тоня искренне радовалась успехам приёмной дочки: Люба была активной участницей художественной самодеятельности: обладая хорошим голосом, чёткой дикцией, читала стихи на всех конкурсах, запевала в школьном хоре. И вместе с тем была бойкой, по-детски озорной, большой выдумщицей, настоящей заводилой — легко могла убедить почти весь класс сбежать с уроков на новый кинофильм. Потом, конечно, покорно склонив головку, просила всепрощающую тётю Тоню пойти к директору...

— И что удивительно теперь для меня, взрослой женщины, матери двух дочерей,— вспоминает Любовь Ивановна,— тётя Тоня, женщина резкая и требовательная, ни разу не дала мне подзатыльника, не накричала, а только укоризненно так на меня посмотрит и скажет: «Так, что мне ещё ждать от тебя, проказница? Школу спалишь или вместо учителей пойдёшь учить таких же сорванцов, как сама?»

Как в воду смотрела мудрая Антонина Ивановна. Получив аттестат, Любаша заявила: пойду в педагогический! Семья дружно поддержала: гордилась выбором воспитанницы тётя Тоня, на радостях напился тихоня дядя Павлик, Фая нежно обняла сестру и обещала помогать — она уже окончила медицинское училище в Бородино, получила профессию фельдшера-акушера и работала по специальности.

На историко-филологический факультет Енисейского государственного педагогического института Любовь Борсукова

Любовь Борсукова.
1967 год

успешно поступила, ей дали место в студенческом общежитии. Училась девушка хорошо, сессии сдавала без троек и получала стипендию.

...Мне, однокурснице Любы, дали место в студенческом общежитии уже в начале учебного года на втором курсе. Комната рассчитана на шесть человек: четверо — Галка Чернышова, Люся Смыкова, Римма Козенко и Люба Борсукова — одноклассницы из города Заозёрного, Анка Бушменко — из Боготола, и Нина Заборцева — из Кежмы. Я была уже седьмой. Девочки позвали парней из соседней комнаты, те быстро принесли ещё одну кро-

вать, матрас, постельные принадлежности...

Общежитие располагалось в старинном трёхэтажном кирпичном здании бывшей уездной жандармерии. Крутые полувинтовые лестницы, узкие коридоры на этажах и просторные комнаты. В комнатах высокие, когда-то лепные потолки и узкие двухметровые арочные окна. Из мебели (например, у нас) — семь железных кроватей, длинный обеденный стол посередине и небольшой столик в углу за платяным шкафом (его мы отгородили ширмой из простыни и оборудовали кухонку).

...Нынешней весной (через пятьдесят три года после окончания института) я, по давней традиции, была на дне рождения у Любочки Борсуковой — естественно, у неё давно другая фамилия... Мы созвонились с её старшей дочерью Вероникой (в семье она просто Верочка) и через три часа на её автомобиле уже были в Зеленогорске; накануне подруга заказала для меня пропуск — город-то закрытый. Дружеское застолье, за которым только самые близкие: дочери Любаши Вера и Надя и бодрая ещё восьмидесятилетняя сестра Фаина Павловна, приехавшая из Заозёрного.

...Давно уже ушли в мир иной дорогие для Любы и её семьи люди — мама, супруг и отец дочерей Анатолий Дмитриевич, тётя Тоня и дядя Павел... и мы в этот день вспоминали их тепло и благодарно. Вечером, оставшись в спальне вдвоём, мы с Любой вернулись в студенческую юность — в годы, прожитые

в нашей восьмой комнате, почти одновременно выдохнув: как нам повезло с девчонками!

У нас действительно была очень дружная комната: девочки домашние, неизбалованные, не ленивые, чистоплотные, порядок при всех бытовых неудобствах — отсутствии централизованного отопления и водоснабжения — поддерживался строго. Сами во дворе кололи дрова, носили их на второй этаж и топили печи. С цокольного этажа, где стоял огромный чан, носили воду в свою комнату и в общий (для всего этажа) умывальник. По вечерам, а иногда и днём, по мере заполнения двухведёрных баков, по мой по крутым ступенькам дежурные девчата выносили во двор. Удобрства, как в общежитии, так и в институте, были во дворе...

В каждой комнате свои порядки. Студенческая столовая хоть и находилась во дворе общежития, но мы подсчитали, что наших «капиталов» даже на одноразовое питание не хватит. А потому, по существующей в студенческом общежитии традиции, организовали «коммуну» — скидывались на питание по пятнадцать рублей в месяц. Дежурный на выделенную на три дня сумму закупал продукты: с утра, пропустив в институте две «ленты», отстаивал в ближайшем магазине очередь за хлебом (да, было такое в тот сложный для страны период), а потом готовил обед.

Время было непростое — начало шестидесятых годов, особога достатка не было ни у кого из студентов, даже у норильчан. Стипендия скромная — двадцать шесть рублей (повышенная на десять рублей больше, если сессия сдана отлично). А если ещё и родители вышлют рублей пятнадцать, то ты уже богач! Меню у нас было более чем скромное: на завтрак — чай с хлебом и ложкой сгущённого молока или какао, на обед — рыбный суп из сайры или баночные щи, ужинали либо жареной картошкой с тушёнкой, либо макаронами по-флотски. На занятиях, между «лентами», в буфете с удовольствием съедали по ливерному пирожку с лимонадом. Деликатесами были присланные от родителей и хранимые в сетках за окном продукты — сало, пельмени, вареники с картошкой... Ими мы лакомились по выходным и праздникам, но чаще бегали до сессии — на период экзаменов «коммуна» распускалась.

Это сейчас, оглядываясь на полсотни лет назад, удивляемся: как мы, семнадцатилетние девчонки, оторванные от семей, выживали в таких сложных условиях?! А мы учились, влюблялись и радовались жизни! В нашем девичьем коллективе были строгие правила: лекции и семинарские занятия не пропускать, на все консультации ходить, в студенческой библиотеке

добросовестно работать с литературой и... не сквернословить — ведь мы будущие учителя! За этим наша Люба, строгая и требовательная, следила чётко. Вся комната училась без троек, «хвостов» никогда ни у кого не было.

Перед сном мы вели задушевные разговоры: кто-нибудь первый начинал рассказывать интересную историю из своей жизни, из жизни одноклассников или соседей, добродушный смех, подколы, остроумные реплики, вопросы,— так постепенно мы узнавали почти всё друг о друге, тайн не было. Именно так мы узнали и про нашу Любашку, про её детство, юность и первую школьную любовь...

Четыре года породнили и сблизили нас. Приближалось распределение по школам района, выпускные экзамены и расставание...

Позади волнительный и тревожный день. Мы собрались в комнате и обсуждали каждое распределение. В дверь постучали, но никто не входил. Обычно после предупреждающего стука гость входил сразу же. А тут пауза — значит, кто-то чужой... Зычным голосом Люба пригласила: войдите. Вошла незнакомая статная женщина и командирским голосом, очень похожим на Любин, поздоровалась и представилась: Лидия Фёдоровна Войтенко — директор Нижне-Шадринской восьмилетней школы. Гостья, присев к столу, сразу же объяснила причину визита:

— Ищу в свою школу учителя истории. Ищу не через деканат, а чтобы лично, глаза в глаза, познакомиться и убедиться в порядочности и честности человека, который способен жить и работать в селе, который не бросит своих учеников посреди, а то и в конце учебного года. Жильё будет сразу, нагрузку обеспечу полную, заработки сельских учителей достаточно высокие, учитывая приличные северные надбавки, молодёжи в селе много, есть комсомольская организация, клуб и художественная самодеятельность. Посёлок лесозаготовителей находится не на крайнем севере Енисейского района, и климат почти не отличается от того, к которому вы привыкли в Енисейске...

Мы, притихнув, слушали, и, я уверена, почти каждый из нас тогда подумал: сказки рассказываете, Лидия Фёдоровна! И вдруг в этой затянувшейся тишине наша Любашка слегка изменившимся голосом произнесла:

— А я согласна, поеду к вам!

Мы были в шоке: она получила распределение в восьмилетнюю школу в небольшое село в Казачинском районе, всего

в ста пятидесяти километрах от Енисейска, и вдруг такой поворот — школа на севере! Назавтра вместе с Лидией Фёдоровной Люба сходила в институт, оформила новое направление...

Три года наша Любаша отработала в Нижне-Шадрино, вышла там замуж, как говорится, за первого парня в посёлке. О своей жизни, о работе в той, первой для неё, школе Любовь Ивановна рассказывает с такой теплотой и нежностью, будто не было никаких трудностей и проблем. А они ведь всё-таки были. Ну, во-первых, с жильём — поселили её не в отдельную квартиру, а к одинокой пенсионерке, правда, очень доброй и заботливой. Та мигом обрисовала новой квартирантке её права и обязанности, уклад жизни в рабочем посёлке и ни с того ни с сего добавила:

— Ну и молодец Лидия Фёдоровна — привезла будущую жену своему родственничку. А ты, Любавушка, присмотришь, присмотришь к нему — Анатолий у нас председателем сельсовета работает, хороший парень, умный, из порядочной семьи, его старший брат Пётр женат на директорше; она к нам тоже несколько лет назад учительницей приехала, да вот задержалась, семьёй обзавелась — сына и дочку воспитывают. А Анатолий наш Дмитриевич — парень хозяйственный, добряк редкий, характер мягкий, но волевой, неизбалованный, не бабник... Я ещё никому из приезжих учительок его не советовала, а из вас такая пара получится — оба красавцы! Тебе он точно понравится — привлекательный такой, голубоглазый.

В самом начале учебного года, в октябре, накануне очередной годовщины ВЛКСМ, на отчётном собрании новенькую учительницу избрали секретарём комсомольской организации посёлка. Тогда Любовь Ивановна и увидела близко этого председателя: и впрямь парень отвечал всем её вкусовым пристрастиям. Но виду не подала. А местные парни наперебой стали ухаживать за молоденькой историчкой — поджидали у выхода из школы, провожали до дома, некоторые, самые смелые, замуж предлагали. А в субботу в клубе чуть ли не в очередь выстраивались, чтобы на танец пригласить. Только Анатолия Дмитриевича в этой очереди никогда не было. Но ведь видела она, замечала, какими глазами он на неё смотрит, как вечерами не один раз мимо её окон проходит. И на репетиции в клуб, где она пела в дуэте с секретаршей директора лесопункта, тоже стал приходить. Впервые он отважился пригласить Любу на вальс на новогоднем вечере в клубе, но когда музыка заканчивалась, кавалер не отпускал девушку, и танец этот затянулся до четырёх утра, пока молодёжь не разбежалась по домам встречать Новый год по Москве.

Зима проскочила быстро, и отношения молоденькой учительницы и председателя сельсовета так и застыли на том новогоднем вальсе. Позади первый учебный год в школе. Люба-ша была довольна результатами: отстающих по её предмету не было, отношения в учительском коллективе, с учениками, их родителями, слава Богу, сложились удачно. Довольна была работой молодого учителя и директор Лидия Фёдоровна, о чём и доложила коллегам на последнем в учебном году педагогическом совете.

Едва прошёл лёд на Енисее, комсомольцы села с обменным концертом отправились на теплоходе в Ярцево — большое старинное село. До праздничного вечера в Доме культуры было достаточно времени, и девушки, уже не раз бывавшие здесь, позвали Любу за покупками в универмаг. Вот здесь-то, в обувном отделе универмага, и произошло то, что подтолкнуло застенчивого председателя сельсовета к решительным действиям. Купив себе пару туфель и босоножки, Люба перешла к мужской обуви и увидела шикарные туфли из натуральной кожи — светло-коричневые, с перфорацией; взяла в руки, посмотрела: известная немецкая фирма «Саламандра». И такая роскошь — в далёком северном посёлке?! Парни уже из-за плеча выглядывают — каждый примерить хочет, а размер-то небольшой — сорок первый. Люба (вот озорница!) тут же пошутила: ну что, кавалеры, кому туфли подойдут, за того и замуж пойду. Молодёжь здесь рабочая, крупная, этим здоровякам нужен размер по крайней мере сорок третий или сорок четвёртый. Конечно, никому из ребят туфли не подошли, некоторые даже ногу не могли всунуть. И тут кто-то из них с ехидцей так предлагает:

— А ты, председатель, что не примеряешь штиблеты? Боишься, что не подойдут?

Молча, не торопясь, Анатолий надевает один туфель, другой, приплясывает и говорит:

— Ну что, Любовь Ивановна, слово сдержишь — пойдёшь за меня замуж?

— Я же сказала: пойду! — не то шутя, не то серьёзно пообещала Люба.

Вечером в день возвращения из Ярцево свататься к Любе пришла вся семья Анатолия — брат Пётр Дмитриевич с супругой Лидией Фёдоровной, сестра Мария. Сам жених выглядел официально — в бежевом костюме с галстуком, в тех самых новых туфлях; смущённый и счастливый, он не сводил с избранницы восторженных глаз. Люба же давно, ещё зимой,

поняла, что «по уши» влюблена в этого нерешительного голубоглазого красавца.

Вот так на семейном совете и порешили, что сыграют свадьбу в июле, а в июне жених с невестой поедут в отпуск в Заозёрный — знакомиться с тётей Тоней...

Через девять месяцев после свадьбы родилась у молодой четы дочка, имя ей дали ещё до рождения — Верочка, Вероника.

Отработав три года, Любовь Ивановна уволилась — пришло распоряжение из Енисейского районного отдела образования о закрытии восьмилетки в Нижне-Шадрино. Лето молодая семья провела у тёти Тони в Заозёрке. В начале августа Люба поехала в Енисейск, в районный отдел народного образования, за новым назначением...

Новокаргино — красивое село на высоком обрывистом берегу Енисея! В школе встретили новую учительницу приветливо — директор уже получил с прежнего места её работы отличную характеристику. Пять лет в Новокаргинской школе, где Любовь Ивановна преподавала историю и одновременно была завучем-организатором, пролетели незаметно; наверное, она так бы и осталась в этом живописном посёлке навсегда: всё устраивало и её, и супруга — любителя рыбалки и охоты. Но появление второй дочки Надежды круто изменило жизнь семьи: новорождённая тяжело заболела — ни участковый врач, ни терапевты районной больницы не могли поставить точный диагноз, а направления в краевую почему-то не давали. Спасение родители видели только в том, чтобы показать ребёнка опытными специалистами в крае. Срочно, не теряя времени, наспех собравшись в дорогу, на арендованной машине рванули в Заозёрный — сестра Фаина обещала помочь, у неё были кой-какие связи в краевой больнице.

Полгода ушло на восстановление ребёнка. Как Любочка выдержала такое испытание, один Бог ведает да тётя Тоня с её материнской заботой о племяннице и её дочках. А Анатолий пригласил к себе на работу в охотничье хозяйство (ведь нужно было содержать семью!) старший брат Пётр. Сразу после закрытия школы в Шадринке он получил приглашение на работу и выехал с севера в посёлок лесозаготовителей и шпалопильщиков Усть-Кемь, что в двух десятках километров от Енисейска. Здесь Лидия Фёдоровна тоже возглавила среднюю школу и не скрывала ни от кого своего намерения — заполучить в лице Любви Ивановны стоящего историка.

Выбора у Любаши не было, да и какой выбор! Анатолий уже перевёз все оставшиеся в Новокаргино вещи в Усть-Кемь,

сельский совет обещал дать новому учителю трёхкомнатную квартиру. Вот в этом посёлке на берегу Енисея и обосновалась на многие годы семья Любви и Анатолия. Подрастали девчонки, умненькие, разносторонне развитые, школу «хорошистки» окончили с почётными грамотами. А на вид и сейчас просто красотки: старшая Вероника — копия мамы, кареглазая, с копной чёрных волос; Надежда — вылитый папа, светловолосая, голубоглазая. Такие разные, но такие похожие в своём отношении к жизни, к родителям, к дому, к семье...

Я помню, как росли эти девочки, как радостно встречали нас с супругом, когда мы приезжали к ним в гости. Как Вероничка играла нам на аккордеоне какую-то модную песенку, а мы удивлялись: надо же, на слух подобрала мелодию — ведь в посёлке нет музыкальной школы! А Надюшка, показывая альбомы со своими рисунками, заглядывала мне в глаза и спрашивала: правда, мама похожая получилась?..

С Любашей, единственной из нашей восьмой комнаты, мы всю жизнь поддерживаем связь, и уж я точно знаю, что и второй выбор в своей жизни она сделала правильный: её Толик оказался самым надёжным и любящим мужем и отцом. Как-то в разговоре (это было ещё в Усть-Кеми) я вспомнила историю про те импортные штiblеты. Любашка вдруг встала и принесла из спальни коробку:

— Вот она, наша семейная реликвия! Эти туфли Толик очень бережёт — надевает в гости и по праздникам, костюмов за двадцать с лишним лет много износил, а вот обувь на торжественный выход — эти туфли. И знаешь, я ведь только через

несколько лет узнала, что туфли ему тогда, на примерке, были чуток маловаты...

В Усть-Кемской средней школе Любовь Ивановна преподавала историю, много лет совмещала преподавание с работой завучем, была на хорошем счету в посёлке; на августовских педагогических совещаниях районной фамилия учителя

Анатолий Дмитриевич и Любовь Ивановна с дочками Надеждой и Вероникой и племянницей Леной. 1975 год

истории из Усть-Кеми была в числе первых. Работать рядом с родственницей — директором школы — задача непростая. И это при всей принципиальности и нетерпимости моей подруги к несправедливости! Но надо отдать должное и Лидии Фёдоровне — она не давала никаких поблажек, требовала по полной. А вот поставить завучем человека с такой же, как у неё самой, фамилией — не решение директора, а желание и требование всего педагогического коллектива. Интересный факт: жёны двух родных братьев всю жизнь называли друг друга по имени-отчеству и в школе, и даже на семейных встречах и застольях. И это не было дистанцией, это было взаимным уважением.

...Наутро после дня рождения мы Любашей пересматриваем семейные альбомы: вот моя подруга на Кавказе, в Средней Азии, вот групповой снимок из Прибалтики, вот Чехословакия, Германия, Болгария...

— Да, я почти каждое лето на две-три недели ездила на курорты или экскурсии — это было нашим общим решением: Толик считал, что я должна отдыхать после напряжённого учебного года. Конечно, мы выезжали всей семьёй на море, в гости к тёте Тоне, пока она была жива... А вот отдыхать только вдвоём мы не могли — девчонок не с кем оставить. На мужа я надеялась как на себя: и еду приготовит, и обиходит дочек, они его просто обожают, и на огороде у него полный порядок — всё растёт, и ни травинки лишней. Он не уставал повторять: какая разница, кто из нас домашние дела делает? Мы семья, а значит, единое целое! Ты же знаешь, какая у меня была работа — с утра до позднего вечера в школе, а дочери — с папой, он же ради них и меня сменил серьёзную работу на должность страхового агента. И потом, когда я его пыталась убедить, что неприлично мне, замужней женщине, одной в отпуск ехать, он возражал: а когда я осенью ухожу в тайгу на целый месяц и оставляю тебя одну с девчонками — это прилично, это нормально?

Правда, буквально через несколько листов в альбоме рассматриваем групповые снимки, сделанные тоже на курортах, а на них — её Анатолий: тот же ясный и открытый взгляд, та же полуулыбка на симпатичном лице. Бывалый таёжник, рыбак, на вид здоровый и полный сил, всегда доброжелательный и приветливый, супруг Любаши не был абсолютно здоров — перебои артериального давления серьёзно осложняли его жизнь, а потому домашнее медикаментозное лечение и санаторно-курортное были не просто желательными, а обязательными.

...Ушёл Анатолий Дмитриевич из жизни внезапно — инсульт. Для меня и моей семьи это был не просто шок — не могла представить, как они, его девчонки, три любящих женских сердца, вынесли эту утрату...

Тридцать один год Любаша и Анатолий прожили в любви и согласии. Волевая, не слезливая, моя подруга, стиснув зубы, с болью выдавливает из себя:

— Похороны, поминки, застолья, чужие люди в квартире с соболезнаваниями — всё как в тумане, как в каком-то кошмаре. Сижусь со взрослыми дочками в их детской комнате, а выйти нет сил — нет нашего папы... Нет его ни дома, ни во дворе, ни в огороде, ни на реке — нигде нет. Только всё, куда ни глянь, о нём напоминает: лодочные моторы, вёсла от резиновой лодки, рыболовные сети, всякие снасти, канистры, бачки... Каждый день видеть это — сплошная боль. Не знаю, как мы выдержали, но только единодушно решили: надо отсюда уезжать.

...Уже который год моя Любаша с младшей Надеждой живут в Зеленогорске (до Заозёрного всего двадцать пять километров). Почти каждый день после работы дочка забегает к маме то на минутку, а то и на весь вечер — чем-нибудь помочь, да и просто поболтать, поделиться новостями. Вероника после института осталась в Красноярске, у неё солидная работа и взрослый сын, она тоже заботится о матери — приезжает на машине на выходные с подарками для мамы и сестры один, а то и пару раз в месяц. Нынешним летом они снова планируют поездку в Усть-Кемь — навестить папу...

Я с восхищением смотрю на эту троицу — Любовь, Веру и Надежду, на их трепетно-нежные, а иногда доброжелательно-ироничные отношения, немного завидуя и одновременно радуясь. И в который раз убеждаюсь: они действительно единое целое.